

VASILENKO Stepan Borisovich, Cand.Sci. (Pol.Sci), Senior Lecturer of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; SBVasilenko@fa.ru); ORCID: 0009-0005-1189-3726

GLOBAL VALUES OF THE NEW GENERATION: EVOLUTION AND TRENDS

Abstract. The article examines the evolution of global values in the context of the socio-cultural transformations in recent decades. The analysis is based on data from international studies that reveal key trends in the transformation of value orientations among young people. The author pays particular attention to the phenomenon of individualism, the values of self-expression, and consumer culture. The article also discusses the formation of the ideology of woke-culture in the United States, which is changing perceptions of group and individual identities. With the support of the corporate sector and creative industries in the United States, woke-culture as a value paradigm is spreading globally.

Keywords: global values, values of self-expression, youth woke-culture

МЕРКУЛОВ Павел Александрович — доктор исторических наук, профессор; и.о. ректора Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95)
ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, 12; eliseev.anatoly@gmail.com)
АРОНОВ Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95)

СОСЛОВНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования такого направления государственного управления, как государственная молодежная политика. Авторы делают вывод, что полномасштабной государственной молодежной политике предшествует стадия сословной молодежной политики и предлагают методологический аппарат определения государственной молодежной политики, ее хронологические рамки и основные этапы становления.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, сословная молодежная политика, социализация молодежи, эпоха петровских преобразований

Постановка исследовательской задачи. На протяжении всей человеческой истории в современном понимании, рассматривая ее все-таки как городские цивилизации в различных частях света, перед властями предрержащими стоял один извечный вопрос о поиске, выборе и применении какого-либо типа

управленческого воздействия на социум, дающего искомый ими результат. Подобное воздействие со временем получило название политики, или социального управления и превратилось в крайне разветвленную, многоуровневую систему, охватывающую все более и более широкие (и глубокие) пласты общественного бытия. Причем в этой сфере наблюдается своеобразное соревнование (абсурдное по сути, но приходится признать реальность происходящего) между политическими режимами авторитарного и тоталитарного толка и теми, которые исторически вышли из институтов европейского либерализма и представительной демократии. Притчей во языцех стало европейское нормирование кривизны огурца, постоянные внесения изменений в допустимый состав исторических национальных продуктов с названием, контролируемым по месту происхождения, естественно, под лозунгом: «все для блага человека». Под той же маркой государство (а скорее универсальное сословие, говоря словами Г.В.Ф. Гегеля) лучше, чем сам человек, знает, курить ему или не курить, какие продукты употреблять, заниматься спортом или нет. Примерам подобного рода в современном мире несть числа. Впрочем, учитывая, что и роман «1984» написан отнюдь не по мотивам сталинского варианта управления, а на материалах совсем иной, у нас едва ли не являющейся идеалом истории либеральной трансформации государства, вряд ли стоит удивляться этому.

Впрочем, в настоящей статье речь пойдет о тех периодах в истории, когда властям предрежались еще было чем заняться всерьез кроме того, какой кривизны огурцы едят их подданные и сколько сигарет выкуривают в день, сопровождая их энным количеством пинт эля (при этом «жуков ведрами в него не сыпят. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью» [Саймак 1988: 401].

Соответственно, развитие и становление различных видов государственной политики в истории цивилизации (исключая периоды «кривизны огурцов») носило сугубо утилитарный, прикладной характер, будучи направленной именно на ту часть общественных отношений, которая в соответствии с определенными причинами становилась значимой для государства, включавшего ее в сферу своей целенаправленной управленческой деятельности.

Соответственно, следует задуматься, когда же этот гобсовский Левиафан обратил один, а может, и несколько своих глаз на, как теперь принято говорить, «будущее человечества», а именно молодежь и произвел в отношении нее ту совокупность управленческих действий, которые в своей совокупности могут быть названы государственной молодежной политикой.

Методология исследования. К сожалению, в современных гуманитарных науках сохранилась некая тенденция, присущая определенного рода категориям исследователей (в произведении Стругацких «Понедельник начинается в субботу. Сказка для научных сотрудников младшего возраста» им приходилось постоянно брить уши), которые, с упорством и настойчивостью, достойными явно лучшего применения, пытаются найти в массиве исторических источников какую-либо фразу, слово, полунамек, желательно из уст представителей правящих социальных страт, которые можно было бы истолковать как зарождение некоего нового тренда в политике, управлении и т.д. и т.п. Отсюда появляются такие научные химеры, как «либерализм великих князей», либеральные планы реформ Л.П. Берия и т.п. Цель примерно та же, что и у аналогичных специалистов советского периода, выискивавших в дореволюционной истории следы зарождения тех тенденций, которые, в конечном счете, вывели ее в высшую точку самореализации марксистского абсолютного духа — события октября 1917 г. Явления эти суть однопорядковые, в

духе еще одного из героев Стругацких профессора Выбегалло с его любимой псевдофранцузской фразой: «Ля вибрасьен са моле гош этюн гранд синь!»¹ [Стругацкий А., Стругацкий Б.: 2007: 146]. Методология, а точнее ее отсутствие, достаточно очевидно, что, впрочем, не избавляет от необходимости формулировать частные авторские методики. Последние с необходимостью вводят обсуждаемый и достаточно верифицируемый критерий определения достижения неким социальным явлением, в нашем случае — отношениям в системе «молодежь — государство», определенного качественного состояния, характеризующего как государственная молодежная политика или иная характеристика данного типа социального взаимодействия.

Вместе с тем было бы некорректным отбрасывать единичные свидетельства определенных социальных состояний, естественно, без попытки распространять результаты частной выборки на генеральную совокупность. В истории любой страны не было периода, когда молодежь так или иначе не принимала участие в важнейших социальных и политических процессах. Однако необходимо понимать, и кого мы в данном случае понимаем под термином молодежь, и в чем специфика ее отношений с органами государственного управления. Иначе говоря, были ли члены «младшей (молодшей) дружины», дети боярские и аналогичные категории раннего Средневековья молодежью, и не оттуда ли надо начинать поиски?

Этот краткий, совершенно лапидарный экскурс самого общего характера в историю становления методологии изучения государственной политики в отношении молодежи и управления ею понадобился нам, собственно, для того, чтобы обосновать один из тезисов настоящей статьи о том, что политика государства в отношении к молодежи имеет гораздо более глубокие корни в политической и социальной истории общества, чем это принято считать в современной науке и практике госуправления. Занимаясь на протяжении последних лет методологией исследования молодежной политики государства, мы столкнулись с ситуацией, когда для определения нижней хронологической границы ее возникновения отсутствовал четко определенный критерий. Итогом стала предложенная в комплексе работ П.А. Меркулова теоретическая трехкомпонентная модель государственной молодежной политики [Меркулов 2011; 2012а; 2012б; Меркулов, Елисеев, Аронов 2015; 2018].

Предлагаемая модель включает в себя следующие три компонента: 1) признание обществом в лице государства молодежи отдельной социальной группой; 2) возникновение законодательства, регулирующего именно социальный статус молодежи в современном ему обществе, а также 3) появление в структуре государственного управления органа общей или специальной компетенции, занимающегося вопросами реализации молодежной политики. Применение данного методологического подхода позволило увеличить степень унифицированности подходов к ответу на вопрос о времени начала формирования государственной молодежной политики в различных социумах. Еще одним направлением поиска в этой сфере и стал, собственно, ответ на вопрос о появлении государственной молодежной политики в истории отечественного государственного управления или, если брать несколько шире, социально-политической истории.

Эмпирическая база исследования включает в себя источники, отражающие основные элементы трехкомпонентной критериальной модели государственной молодежной политики. Анализ совокупности нормативно-правовых

¹ Дрожание его левой икры есть великий признак! (франц.)

документов различных уровней, начиная с царских (императорских) указов, общероссийских нормативных актов комплексного характера (например, Соборное уложение 1649 г.) позволяет выявить момент нормативизации государственной молодежной политики. Несколько сложнее вопрос с такими документами, как «Домострой», «Юности честное зерцало», которые, не будучи де-юре строго нормативно-правовыми, де-факто обладали достаточно высокой степенью императивности применительно к адресным социальным группам. В настоящей работе они включены в часть эмпирической базы в рамках методики социологического позитивизма.

Обращение к этой же группе источников в части касающихся структуры и объема полномочий соответствующих органов власти позволяет даже на уровне титульного анализа выявить процесс делегирования функции реализации молодежной политики государства конкретному управленческому органу.

Несколько менее формализованная группа источников формируется при поиске ответа на вопрос о возникновении у государственных структур управления соответствующим образом отрефлексированного понимания определения и выделения молодежи (ее частей) как отдельной социальной страты, становящейся объектом целенаправленного управленческого воздействия. В анализируемую нами эпоху практики проведения социологических исследований перед принятием управленческих решений не было, экспертное мнение фактически не запрашивалось, поэтому одним из важнейших источников выступают полуофициальные документы, одним из жанров которых выступали так называемые записки, направляемые министрами, товарищами министров и рядом других должностных лиц с целью пояснения мнения ведомства по какому-либо предмету. Примером может выступать такой известный корпус источников, как совокупность документов, вышедших из недр Министерства просвещения в период его нахождения под руководством такой известной фигуры российской истории первой половины XIX в., как граф С.С. Уваров. Сюда же относится и ряд источников личного происхождения, отложившихся в различных архивах, а также частично опубликованных за последнее время. Определенное значение имеют, с момента их возникновения, материалы различных общественных организаций (в т.ч. студенческого самоуправления), показывающие степень саморефлексии конкретной социальной страты.

Результаты исследования. Проведенные конкретно-исторические исследования привели к отказу от доминировавшего ранее подхода, в рамках которого применительно к отечественной истории считалось, что полноценная молодежная политика формируется в постреволюционный период, тяготея к первой половине 20-х гг. прошлого столетия. Основания видеть это именно в советской модели социального управления обществом были весьма высоко верифицированными. В результате недолгой, но более чем острой политической и социальной конкуренции в нашей стране появилась общероссийская молодежная организация, монополизировавшая политическую работу с молодежью, — комсомол, произошло его встраивание в систему неформального политического управления советским социумом со стороны правящих партийных элит и периодически складывавшихся групп. Все это сделало данную модель достаточно эффективной на протяжении весьма длинного исторического периода. Особенно эффективно она выполняла мобилизационные, а впоследствии — рекрутинговые функции в отношении молодежи в обществе, выступая одновременно в качестве социального лифта, обладав-

шего определенными свойствами социального фильтра при рекрутировании управленцев для высших страт системы. Кроме того, появилась без всяких оговорок и аналогий теоретическая модель реализации политики в отношении молодежи, имевшая практически все сущностно значимые признаки как научной концепции, так и реализуемой на практике модели управления социумом.

Эта модель обладала рядом черт, которые позволяют говорить о ней не как о модели молодежной политики государства, как явлении, а как о следующем этапе ее теоретического осмысления и воплощения в практике госуправления. Соответственно, современные подходы к моделированию и реализации данного вида деятельности содержат в себе этот набор признаков, а также, как показал анализ работ в сфере поиска методологического обоснования современной теоретической модели государственной молодежной политики [Касьянов 2010], она может быть описана пятикомпонентной моделью, которая включает в себя, помимо трех ранее перечисленных элементов — 1) молодежь как социальная группа; 2) целевое законодательство и 3) профильное управление) — еще два, а именно 4) теоретическую модель и 5) массив общественных объединений/организаций, рассматриваемых именно в контексте частно-государственного взаимодействия.

В силу вышесказанного можно говорить о том, что в наши дни мы имеем дело с более развитым типом модели государственной молодежной политики, отвечающим общей современной тенденции общественного регулирования, предполагающего качественный рост степени государственно-регулятивного воздействия на группы общественных отношений, определенных (как правило, органами, выступающими в качестве части системы госуправления) в качестве социально значимых. Рассмотрение данной тенденции в контексте ее влияния на модель государственной молодежной политики, на наш взгляд, представляет собой отдельную проблематику, для объективного изучения которой представляется целесообразным сформулировать модель нормативно-правового воздействия государства и общества (в определенных сферах) на молодежь. В целом мы полагаем возможным рассматривать этот сюжет в рамках сформулированного в ряде авторских работ тезиса о «негативной» молодежной политике [Меркулов, Елисеев, Аронов 2015: 141], но в любом случае, как нам представляется, это тема для отдельного исследования.

Однако условия, которые отвечают разработанным нами моделям, не складывались в нашей стране одномоментно. Им предшествовала достаточно длительная история зарождения и оформления ее отдельных элементов, определенные качественные состояния которых могут быть описаны в качестве некоего варианта протогосударственной молодежной политики [Меркулов, Елисеев, Аронов 2018: 1065].

Соответственно, представляется возможным сформулировать исследовательскую гипотезу настоящей работы. Она состоит в том, что, признавая наличие в современной науке сложных многокомпонентных моделей государственной молодежной политики, можно предположить, что первая из подобных, а именно трехкомпонентная модель, описывала политику, которая не появилась одномоментно на пустом месте, а стала результатом эволюционного развития предшествующих ей форм социального бытия, в частности в сфере государственного управления молодежью.

Поскольку в ряде работ авторов настоящей статьи был поставлен и обоснован тезис о возникновении государственной молодежной политики в варианте трехкомпонентной модели в России в начале последней трети XIX в.,

соответственно, обратимся к более ранним периодам истории. В этом отношении, конечно, наиболее богат XIX в., что связано с появлением достаточно массового российского студенчества, проведением воспитательной работы с призванными на военную службу, определенной радикализацией настроений слушателей многочисленных семинарий, борьбой с антиправительственными молодежными организациями национального толка в западных частях империи. Однако уже сам перечень тех групп, которые обращали на себя внимание власти, как единого целого вплоть до обозначенного нами выше периода говорит о том, что единая политика здесь еще не наблюдается.

Соответственно, если мы признаем отсутствие комплексного подхода к молодежи как к относительно единой социальной группе, то, соответственно, логично проследить, насколько системны действия государственной власти в отношении ее отдельных категорий. Отсюда следует, что методологическим посылом исследования будет постулирование наличия на определенных исторических этапах такого явления, как «сословная молодежная политика». Иначе говоря, мы полагаем целесообразным применить трехкомпонентную модель к политической практике государства в отношении молодежи, принадлежащей к социальной группе, чье место в социальной иерархии не ставится под вопрос и имеет достаточно устойчивую традицию социального, в т.ч. и правового, регулирования.

Применяя данный расширительный подход, мы получим в качестве критерия существования сословной молодежной политики наличие двух элементов — нормативного материала, определяющего взаимоотношения в системе «государство — молодежь» конкретного сословия и органа общей или специальной компетенции. Из опыта исторических исследований молодежной политики государства на различных этапах ее существования мы можем постулировать тезис о появлении органов специальной компетенции уже практически в советский период. Соответственно, здесь мы занимаемся поиском органов общей компетенции, так или иначе оказывающих целенаправленное управленческое воздействие на молодежь. Для определения тех сфер, где эти органы реализуют свои базовые функции, целесообразно обратиться к последнему критерию, а именно к выявлению материалов, свидетельствующих о наличии целевого управления именно молодежью определенного сословия. Их выявление и введение в доказательный ряд исследовательской гипотезы позволит определиться с поиском соответствующих управленческих структур.

С позиций данного подхода вряд ли можно корректно говорить о раннем русском Средневековье, когда нормативные материалы подобного рода отсутствуют по определению. Немногим отличается и ситуация последующих веков, когда значительная часть функций административного управления перераспределена между государством и землевладельцами при сохранении за церковными структурами функции образования и интеллектуального осмысления текущих реалий бытия. Практически отсутствует сколь-нибудь структурированная и нормативно регулируемая система образования, не считая единичных заведений на манер Киево-Могилянской и Греко-славянской академий.

Основным свидетельством признания молодежи как социальной группы (в рамках правящего сословия) становится нормативное закрепление возраста частичной и полной правоспособности, режима вхождения «в службу государю» (Соборное уложение 1649 г.) [Тихомиров, Елифанов 1961].

Изменения явные, сущностные и целенаправленные происходят только с

того момента, когда удельный вес государства в регулировании отношений в обществе начинает возрастать в геометрической прогрессии, что по преимуществу относится к эпохе становления российской государственности абсолютистского типа. В российской историографии эти процессы традиционно ассоциируются с деятельностью Петра Алексеевича Романова — Петра I, что, тут мы вполне согласны с историками — специалистами по данному периоду, в общем-то не вполне верно. И действительно, полки нового строя, обучение детей дворянских за рубежом, даже определенные изменения в одежде служилых людей [Коренев 2011: 175] — все это корнями своими уходит не только в политику царевны Софьи и ее фаворита Василия Голицына, старшего брата Петра — недолго находившегося на троне Федора, но еще в политику его отца Алексея Михайловича (Тишайшего) [Панченко 2000: 168]. С одной стороны, все это верно, однако качественный скачок относится именно к Петровской эпохе, в которой мы находим целый ряд различных свидетельств, что именно в этот период в России окончательно оформляется такое явление, как сословная молодежная политика, а т.к. важнейшим ресурсом для строительства государства абсолютистского типа в России, в отличие от Западной Европы, выступало дворянство, именно дворянская молодежь стала первым объектом приложения усилий государственной машины управления [Домострой 1994].

Можно говорить о том, что в этой сфере действовали нормы, в массе своей прописанные в качестве наставлений в Домострое. Определяемая там общая направленность социализации молодежи, помимо степени кодификации и универсальности содержания, мало отличалась от пути к духовному спасению христианской души, сочетаемому с наставлениями по заготовке сена. Но это был шаг вперед. И это отличало данное явление от традиционных практик социализации. Нормы Домостроя не стоит относить к числу нормативно-правовых регуляторов, но можно говорить о том, что он кодифицировал нормы обычного права в сфере взаимодействия младшего и старшего поколений.

Свидетельством начала возникновения в России качественно нового этапа в становлении государственной молодежной политики выступает расширение ее нормативно-правовой базы, связанное с появлением документа, известного под названием «Юности честное зерцало» (полностью его название, в соответствии с традициями и культурным кодом эпохи, звучало следующим образом: «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов») [Юности честное зерцало...]. В отечественной науке оно характеризуется как памятник отечественный педагогической мысли начала XVIII в., подготовленный по указанию императора Петра I. Мы охарактеризовали этот документ как нормативно-правовой, что, конечно, особенно с позиций юридического позитивизма или нормативизма, не выдерживает никакой критики. Однако в рамках социологического позитивизма мы можем говорить о реальном влиянии, которое подобные материалы, выходявшие из-под пера императора, оказывали на ту часть социума, к которой были обращены. Если использовать аналогию, то «Зерцало» и ему подобные акты, не будучи с формальной точки зрения нормативно-правовыми, оказывали мощное регулятивное воздействие на ту целевую группу, которой были адресованы, примерно так же, как, начиная с известного времени, не носившие нормативного характера передовые статьи газеты «Правда» выполняли в принципе сходные функции трансляции властного веления партийно-политического руководства страны.

В рамках исследовательской гипотезы настоящей статьи наибольший инте-

рес представляет вторая часть, т.е. собственно «Зерцало» — правила поведения для юношества или, как сказано в тексте, «младых отроков», а также девушек, принадлежащих к дворянскому сословию.

Причин появления подобной работы можно назвать немало, однако немаловажным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что петровские преобразования выступали в качестве социального лифта, поднимающего в правящее сословие представителей иных сословий. Опосредованно в круг внимания государства попадает та молодежь, для которой ранее был недоступен семейный механизм передачи норм поведения, одобряемых государством. Это и стало одним из стимулов к активизации государственной политики в сфере развития такой составной части молодежной политики, как ее нормативно-правовая база.

В условиях обычного развития общества процесс социализации молодежи традиционно проходит в рамках институтов семейной, религиозной и/или корпоративной социализации. В период лавинообразных социальных новаций для ускорения процесса соответствия категории служилого сословия новым требованиям со стороны системы государственного управления и появляются соответствующие акты. В нашем случае они носят формально полуофициальный характер, не имеют реквизитов нормативно-правового акта, но исходят от концентрирующей в себе высшую власть фигуры императора.

Велик соблазн в данном месте увлечь себя и читателя сюжетом, посвященным влиянию Петровских реформ в области образования, каковые, весьма масштабные и принципиальные, несомненно, имели место, и сюжетом о формировании сословной молодежной политики.

Здесь мы увидим влияние практически на все стороны жизни дворянского сословия, но применительно к молодежи нас интересует прежде всего сфера образования, а также то, что сейчас назвали бы воспитательной работой. Как ни парадоксально, но, анализируя имеющуюся историографию Петровской эпохи, в первую очередь специализированно изучающую проблему образовательных инноваций, мы вынуждены констатировать, что Петровские реформы в сфере образования лишь заложили основы для создания той сферы государственного управления (просвещения), деятельность которого в последней трети XIX в. и приведет к формированию первой социальной страты российской молодежи, которая станет объектом целевых усилий со стороны органов государственного управления общей и специальной компетенции. Однако в собственно петровский период ни особой социальной страты обучаемых, ни целенаправленного внимания государства мы не обнаруживаем. Систему образования, при Петре довольно бессистемную, создают в сугубо утилитарных целях — для подготовки высокопрофессиональных кадров из числа служилого сословия, обязанного государству Петровской эпохи бессрочной службой.

Соответственно, при Петре I главным для нашей исследовательской гипотезы выступает возникновение целевой регулятивной базы, освященной личностью императора, дополняющей традиционные (обычные) нормы семейного права и носящей явно выраженный адресный характер.

Что же касается иных сословий, то здесь попытки введения все той же универсальной системы образования, начатой Петром, привели к практически нулевым результатам. И решение этой задачи досталось уже будущим поколениям государственных деятелей страны. Однако для нас примечательным выступает то, что они типологически однородны с теми мерами, которые

использовались в процессе претворения в жизнь сословной молодежной политики в отношении дворянства.

Практика государственного управления последующих правителей страны, а больше — правительниц заключалась в постоянной тенденции освобождения дворянства от государственной службы, что хорошо прослеживается по сокращению срока обязательной выслуги и во времена Петра III — Екатерины II, и завершилась окончательным освобождением от оной. Уход дворянства в имения привел к развитию такого феномена, как домашнее образование, ориентированное на Запад. Вспомним знаменитые слова В.О. Ключевского, что «отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими» [Ключевский 2008].

Продолжалась практика целевого развития системы образования и при дальнейших изменениях системы управления. Медленно, но неуклонно возрастала роль государства в контроле над процессом получения образования дворянской молодежью, прежде всего за счет вытеснения такой его формы, как домашнее образование, тем более что в России оно порой принимало более чем суррогатные, а иногда и откровенно пародийно-гротескные формы. Что касается студенчества, то его численность даже к концу XVIII в. не превышает сотен человек, что переносит рассмотрение этого аспекта проблемы на период создания системы университетского образования в крупнейших городах России в XIX в.

Еще одно направление в деятельности органов государственного управления, где, как может сложиться впечатление, мы имеем дело с молодежью как целевым предметом воздействия со стороны государства, является борьба с подпольным освободительным движением на присоединенных к России коронных землях Королевства Польского. Этот сюжет стал предметом отдельного исследования в отечественной историографии [Полищук 2011: 103], результаты которого, равно как и анализ имеющихся в нашем распоряжении источников, показывает, что специфического молодежного компонента в политике государства здесь не было. Шла общая борьба с крамолой, которая в данном случае была окрашена в национально-конфессиональные тона и получила наиболее радикальное проявление в молодежной среде. Выявить специфические элементы государственной молодежной политики в данном случае не представляется возможным.

Выводы. Таким образом, представляется возможным определить сословную государственную молодежную политику как целенаправленную деятельность государства (уполномоченных органов общей/специальной компетенции) в отношении части молодежи, выделяемой по признаку принадлежности к определенному сословию, с целью оптимизации ее участия в выполнении социально значимых целей). Также на основе применения данной методологической матрицы к результатам конкретно-исторических изысканий полагаем корректным сформулировать вывод, что в начале XVIII в. в России возникли основы сословной молодежной политики применительно к дворянской молодежи, получившие дальнейшее качественное развитие в эпоху петровского образования и на протяжении XVIII — первой трети XIX в. Они, в свою очередь, определили ряд трендов в развитии системы образования страны, степень включенности в этот процесс молодежи иных сословий, что, в конечном итоге, и выведет российскую государственность на новый качественный этап развития — возникновение полномасштабной государственной молодежной политики последней трети XIX в.

Список литературы

Домострой. 1994. М.: Наука. 399 с.

Касьянов В.В. 2010. Методология изучения исторического опыта разработки и реализации российской молодежной политики. — *Теория и практика общественного развития*. Вып. 1. С. 225-259.

Ключевский В.О. 2008. Декабристы. М.: Эксмо. Доступ: <https://iknigi.net/avtor-vasiliy-klyuchevskiy/26019-dekabristy-vasiliy-klyuchevskiy/read/page-1.html> (проверено 15.09.2025).

Коренев Д.М. 2011. «Государево служилое платье» чинов государева двора и государева полка периода формирования русского централизованного государства (вторая половина XVI — XVII вв.): научное издание, монография. Орел. 271 с.

Меркулов П.А. 2011. *Государственная молодежная политика дореволюционной России 1649—1917 гг.: от Соборного уложения до целевых проектов социализации*. Брянск: Брянское областное полиграфическое объединение. 121 с.

Меркулов П.А. 2012а. Институциональные аспекты становления государственной молодежной политики в России. — *Вестник Орловского государственного университета*. Сер. Новые гуманитарные исследования. № 8(28). С. 220-222.

Меркулов П.А. 2012б. История государственной молодежной политики России: перспективы изучения. — *Сервис в России и за рубежом*. № 10(37). С. 9-12.

Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В. 2015. «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи: методологические аспекты. — *Власть*. № 2. С. 141-145.

Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В. 2018. Государственная молодежная политика в дореволюционной России — от сословности к полноценному социальному регулированию. — *Былые годы*. № 9. С. 1061-1073. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061.

Панченко А.М. 2000. Русская культура в канун петровских реформ. — *Из истории русской культуры*. В IX т. Т. III. XVII — начало XVIII века. М.: Языки русской культуры. С. 11-264.

Полищук Е.Н. 2011. *Организационно-правовое регулирование молодежного движения в дореволюционной России (историко-правовое исследование)*: автореф. дис. ... к.ю.н. СПб. 236 с.

Саймак К. 1988. Заповедник гоблинов. — *Избранное*. М.: Мир. С. 241-407.

Стругацкий А., Стругацкий Б. 2007. Понедельник начинается в субботу. — *Фантастические произведения*. Т. 5. М.: Эксмо; СПб: Terra fantastica. С. 7-260.

Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. 1961. *Соборное уложение 1649 года: пособие для высшей школы*. М.: Изд-во МГУ. 444 с.

Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению. Доступ: <https://azbyka.ru/otechnik/6/yunosti-chestnoe-zertsalo-ili-pokazanie-k-zhitejskomu-obhozhdeniyu/> (проверено 15.09.2025).

MERKULOV Pavel Alexandrovich, *Dr.Sci. (Hist.)*, Professor, Acting Rector of the Orel State University named after I.S. Turgenev (95 Komsomolskaya St, Orel, Russia, 302026)

ELISEEV Anatoly Leonidovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management — Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (12 Oktyabr'skaya St, Orel, Russia, 302028; eliseev.anatoly@gmail.com)

ARONOV Dmitry Vladimirovich, *Dr.Sci. (Hist.)*, Professor; Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (95 Komsomolskaya St, Orel, Russia, 302026)

ESTATE YOUTH POLICY IN THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE STATE MECHANISM OF SOCIAL MANAGEMENT

Abstract. The article deals with the problem of the formation of such a direction of public administration as the state youth policy. The authors conclude that a full-scale state youth policy is preceded by a stage of estate youth policy and propose the methodological apparatus for determining the state youth policy, its chronological framework and the main stages of formation.

Keywords: state youth policy, estate youth policy, socialization of youth, Peter the Great transformations

САБИРОВА Нагима Садыковна — кандидат политических наук, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева (125047, Россия, г. Москва, ул. Миусская, 9; snagima95@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается координация политической культуры России с экономическим фактором страны. Автор анализирует экономический ресурс как ключевой в обеспечении жизни и развития общества, от которого в целом зависит политическая стабильность внутри государства, что, в свою очередь, отражает политическую культуру населения. Качество политической культуры и ее формирование зависят как от внешней социально-политической среды, так и от активности каждого отдельного гражданина. За последние 20 лет российское общество изменилось – оно стало более политизированным и социально-политически адаптированным. Каждый гражданин Российской Федерации, осознавая сложившуюся политическую ситуацию страны, в большей степени готов внести свою лепту в дело ее благополучия и процветания. При этом правительственные институты, реализуя новые решения, в т.ч. и экономические, обязаны принимать во внимание интересы народа и его уровень жизни. Подобный расклад гарантирует политическую гармонию между властью и народом и создание качественной политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, рыночная экономика, политическая стабильность, инфляция, интересы народа, российское общество, качество жизни, уровень жизни, властные структуры

Согласно американским политологам Г. Алмонду и С. Вербе, политическая культура представляет собой определенную форму механизмов, которые